

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 141—153.

Economic and Social Research. 2024. No. 3 (43). P. 141—153.

Научная статья

УДК 1(091)

doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-141-153

<https://elibrary.ru/vkgbzn>

Боль среди одиночества
К столетию со дня рождения Эвальда Васильевича Ильенкова
(экзистенциальное эссе)

Г. В. Лобастов

Российское философское общество «Диалектика и культура», Москва, Россия

lobastov.g.v@yandex.ru

Аннотация. Через призму личностных проявлений Э. В. Ильенкова развернуты экзистенциальные определения его жизненной судьбы. Рассматриваются его отношение к общественно-исторической действительности, его объективно складывающаяся личностно-человеческая позиция, выражена непосредственная связь этой позиции с объективно-исторической тенденцией человеческого развития, аналитически акцентируется тождество личностных определений его *Я* с содержанием культурно-исторической действительности. Логические анализы погружены в экзистенциальное содержание, как и, наоборот, личностные определения Э. В. Ильенкова выражаются через философскую и объективно-историческую логику человеческого бытия.

Ключевые слова: одиночество, боль, религиозное сознание, самоубийство, смерть, диалектика и позитивизм, логика, мыслящая способность, Э. В. Ильенков

Для цитирования: Лобастов Г. В. Боль среди одиночества. К столетию со дня рождения Эвальда Васильевича Ильенкова (экзистенциальное эссе) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 141—153. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-141-153> EDN: VKGBZN.

Original article

Pain among loneliness
To the centenary of the birth of Evald Vasilyevich Ilyenkov
(existential essay)

G. V. Lobastov

Russian Philosophical Society “Dialectics and Culture”, Moscow, Russia

lobastov.g.v@yandex.ru

© Лобастов Г. В.

Abstract. Through the prism of E. V. Ilyenkov's personal manifestations, the existential definitions of his life way are unfolded. His attitude towards socio-historical reality, his objectively evolving personal-human position are considered, the direct connection of this position to objective-historical tendency of human development is expressed, and the sameness of personal definitions of his Self with contents of cultural-historical reality is analytically accented. Logical analyses are immersed in existential contents, as well as, inversely, personal definitions of E. V. Ilyenkov are expressed through philosophical and objective-historical logic of human existence.

Keywords: loneliness, pain, religious conscience, suicide, dialectics and positivism, logic, thinking ability, E. V. Ilyenkov

For citation: Lobastov G. V. "Pain among Loneliness. To the Centenary of the Birth of Evald Vasilyevich Ilyenkov (Existential Essay)". *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 141—153. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-141-153> EDN: VKGBZN.

*Боль — потому что во mnogой мудрости много печали.
В одиночестве — ибо один в мудрости.*

Ощущение трагедий бытия в нем, в Ильенкове, соединялось с оптимизмом, определяющимся мощью способности мышления. Если не видеть выхода из складывающихся в истории проблем человечества, знание и в самом деле лишь множит печаль. Развитие мыслящего начала становится проблемой его анализа и формирования...

Фантасмагория жизни

Фантасмагория жизни, разумеется, отличается от фантасмагорий сновидений. Но боль в ощущениях реальности и смысловое переживание боли в сновидении дают сознанию почти одинаковые образы. Режиссер смотрит сны целый год, а потом ставит фильмы. Что то и другое опосредствовано и живет на субстрате биологии — это будто бы очевидно для всех наук. Но опосредствованность осуществляется и знаками — как знаками живого языка общественной культуры, так и языками любого вида: язык красок, язык звуков и т. д. И тем более символической.

Всё это из одной бытийной среды (реальная жизнь, сновидения, фантазии, иллюзии, заблуждения и, тем более, сама истина) легко перемещается в другую. Всё бытует там

и там как материя, на которой «паразитирует» образность бытия. В формальном анализе как будто всё равно — сначала сны, а потом искусство, или сначала жизнь, а потом сновидение. А такой жизненный процесс, как война, сосредотачивает в себе предельную глубину всех человеческих чувств и переживаний, являет то, что и в сновидении не увидится.

Здесь смерть и жизнь объективно срослись: убивают во имя жизни и сознательно, не лишая себя человеческого чувства и сознания, умирают в человеческом чувстве, чтобы убивать в объективной реальности. Умирание и воскресение — два противоположных процесса, тождественные в жизненном бытии, в делящемся процессе жизни. Абстрактно-обособленно они существуют только в одностороннем мышлении. Наблюдающее внимание их видит разведенными и в реально-эмпирической действительности — в общественно-историческом «теле» бытия. Есть служба рождения, есть служба умирания и смерти, есть служба жизни. Вся историческая жизнь подчинена своему собственному сохранению, и многие сотни видов деятельности подчинены этим трем моментам и обслуживают их. Видовой смысл

этой активности как будто и не имеет к этому отношения. Но даже война и всё производство средств войны направлены на сохранение исторически разделенных общественных образований. Кошмары исторических войн порождают боль и слезы, гордость и ликование. Видя в этом трагедию, в трагедии видят историческую судьбу. Войной воскрешают жизненное начало и творческую энергию воссоздавать жизнь — объективная фантазмагория бессознательных и сознательно-психических процессов в толще общественно-человеческого бытия, с его мгновенными перемещениями образов жизни и смерти. Современное бытие в крошечных проявлениях перехода жизни в смерть не измерить Дантовыми кругами ада. Утверждение жизни через жизнь смерти — вот всем понятная реальность человеческой объективно-реальной фантазмагии. Жизнь, отвоёвав у мира мир, разносит по разным местам человеческого пространства элементы притихшего кошмара, и здравый смысл спокойно, без ощущений смерти и ужаса начинает продолжаться в человеческой жизни, регламентируя и освящая ее сознательными нормами. Продолжать без содрогания обсуждать меру гуманности войны, ее правила, допустимость и ограничения того или другого, — всё это продолжает продолжаться в человеческом «нормальном» бытии. Выстроенном тем же невидимым молохом бытия.

И совсем нельзя сказать, что искусство фантазирует, — его изображения фантазмагорий уступают по своему внутреннему содержанию человеческому бытию, внутреннему его кошмару. Сознание и чувство человека «ко всему привыкают, даже к тому, к чему привыкнуть нельзя» (Мих. Лифшиц).

Сновидения явились, когда Ильенкова не стало. В них что-то продолжалось из того, что было в реальной действительности, но в этой действительности были видения гораздо более сложные и непонятные, чем всегда кажутся сны. В сновидениях

приоткрывается то, что рассудок не может уловить в содержаниях своей активно-бодрствующей души, где нормы социально-культурной действительности ограничивают безумствующее сознание. Нормы, которые направляют и удерживают реальную человеческую жизнь и ее сознание, — как некое табу. Психология и психиатрия вполне благополучно и уютно себя чувствуют в мире иллюзий, в больших мифах бытия, и прозрачную форму здравого смысла почитают критерием здоровья физического и умственного.

Ничуть не смущает и религиозная форма сознания. Никаких странностей не замечают и в школьной практике. Психологические науки своими «практиками» навязывают и утверждают «здравый смысл» *внутри себя*, и их мерами измеряют и формируют субъективный мир индивида в образовательной практике. Разумеется, распространенные представления психологии отражают внешний характер общественного бытия, существенные определения человека и его способностей остаются вне сознания.

Исторические масштабы действительности, однако, требуют абсолютных мер. Историческое развитие своей мощью разрушает любые стагнации общественной жизни, всякий покой погруженного в иллюзии и самообман слабого умом человека. Бессилие ума не дело тела, к которому привязывают себя психология и психиатрия. Это дело исторически создаваемой человеком общественной действительности. Без серьезной философии человеческий глаз тут истинных определений не увидит.

Но даже выходя в пространство общественного бытия, эти науки, современная психология и педагогика, чувствуют свою силу только в «здоровом смысле». Выйти за черту этих представлений почти означает оказаться в мире безумия, а при более строгом анализе, как это делает Кант, просто прийти к убеждению в тщете постичь мир таким, каков он есть.

Плутания в собственных представлениях теряют объективные ориентиры, кроме как будто только тех, которые фиксируются строгостью здравого рассудка. Тогда и сон — это только сон. А философия — болтовня. И математика — лишь мнящая себя *умом* наука, в которой человек себя чувствует в странной ситуации мало представляемого и совсем не ощущаемого мира, лежащего за ее, математической науки, математическим языком. Человеческая душа во сне много чего видит — даже без всякого языка. Ни математика, ни психология и иже с ними не могут уловить произвола сновидений. Не менее бессильны эти науки и в пространствах общественной истории. В которой произвола не меньше. Не меньше иллюзий и внутри истин, и в заблуждениях. Открытые условия и основания жизни фантазмагорий.

Но там и там есть своя некая логика, есть свои детерминирующие силы. И есть свобода, определенная будто бы сама собой, своим собственным ею полагаемым смыслом. И потому и сновидения, и логические конструкции здравого ума, и формы философского мышления, индивидуальные интуиции и общественно-исторические идеи — всё прорастает из единого корня. И если это не может понять философия, то паллиатив понимания тут как тут, возникает в форме воображаемого абсолюта. Исторические сны длятся веками. И пробуждения далеко не всегда вводят в истинные формы бытия. В них легко утверждаются *нормы безумных форм*.

И философия, ищущая возможности постижения истины и в истине усматривающая абсолютное содержание, создает свои мифы, живет в своих сновидениях. Голос Ильенкова насторожил мнящую себя в истине догматическую устойчивость сознания. Диалектическая логика не позволяет уму, в нее вошедшему, впасть в иллюзии и заблуждения, все проблемы, лежащие на пути познания, философия подвергает критической рефлексии — ничего умного не может быть,

если не может сдать экзамен исторической диалектике. Диалектике, которая единство противоположного обязательно замыкает на содержание абсолютного. Какая же будет логика, если она самой собой, своей силой не находит в себе обоснованных основоположений? Не найдет у Ильенкова этого только тот, кто умеет лишь пересказывать — даже если он красиво пересказывает самого Ильенкова.

Чтобы не утонуть в пересекающихся и взаимопереплетенных явлениях эмпирической действительности, в которой найти точку опоры так же сложно, как в болоте, — разумеется, эта проблема требует научного мышления, способного найти объясняющий принцип и способ ее, действительности, развития. Ильенков, как указывает А. Г. Новохатько, видел зависимость будущего от успехов «двух фундаментальных наук» — политэкономии и педагогики [4, с. 8]. Первая дает закон, управляющий кажущимся хаосом процесса производства, а вторая — формирует человеческие начала в каждом индивидуе.

Мошенники, симулянты, жулики и проходимцы, двуликие и многоликие, сволочи и подонки и т. д., — всю эту публику Эвальд Васильевич называл — как будто беззлобно — прохиндеями, — проникают во все поры человеческой жизни, настолько распространяются, что этот «сорняк» начинает казаться определяющей формой человеческой жизни. Заявив в начале пятидесятих годов прошлого века о мышлении как о предмете философии, Ильенков как бы открыл для глаз философско-профессиональной публики историческое развитие человеческого мышления, изучение которого имеет практически-необходимый смысл. Деревянно-догматическая болтовня на кафедрах философии вздрогнула, но защитила себя изгнанием Ильенкова из Московского государственного университета, фактическим отстранением его от преподавания философии.

Космология духа

Фантазмагория Ильенкова, прописанная в «Космологии духа» [3], многократно умнее естественно-научной мировоззренческой концепции Вселенной, якобы возникающей из точки и расширяющейся вместе с пространством-временем. Тем более религиозной.

Идея абсолютного смысла человеческого существования, конечно же, далеко не выражается космически-религиозными фантазиями. За идеей бога и за космическими фантазиями стоят реальные земные основания. Даже «Космология духа» Э. В. Ильенкова, кроме как будто в себе обоснованных диалектических положений «Диалектики природы» Ф. Энгельса, опирается на определенное представление физической науки, получившей значение закона, на второе начало термодинамики. Околоумствующий люд, раскрыв рты и глаза, энергично стал читать этот ильенковский научно-философский памфлет, «философско-поэтическую фантазмагорию». От этого умнее он не стал, а погрузиться в логические трактаты Ильенкова и тем самым в мыслительную форму, развернутую там, сделать ее, эту форму, собственной способностью у него просто ума (сил) не хватает. В «Космологии духа» искали, хотя бы намеком проявленное, нечто мистически-религиозное...

Сам же Ильенков с полуулыбкой и с неким внимательным ожиданием смотрел на реакцию читающего. Мол, даже Ойзерман, его научный руководитель («Космология духа» была написана в аспирантские годы), прочитав, развел руками и сказал нечто неопределенное, не зная, как правильно отреагировать: всё было согласовано с Энгельсом и наукой. Эта ожидающая полуулыбка Ильенкова, вероятно, относилась не только к читающим (читали у него дома в рукописи, текст не был опубликован, выносить он не давал, мне он не объяснял, почему — вероятно, не хотел возможной рас пространенности), но как будто и к самому

себе: посмотрите, какую веру может создать мышление!

Позже, через Спинозу, он скажет, что заблуждение всегда есть форма абсолютизации частно-ограниченного знания, и потому мышление должно быть критичным в отношении самого себя — чтобы быть уверенным в своей истинности. Именно этим и занимается философия.

Но почему же именно тезисы о предмете философии, написанные им совместно с Валентином Коровиковым, его другом, и представленные общественности философского факультета МГУ, так всколыхнули организованное философское сообщество? Дело, надо полагать, тут в том, что в мыслящей способности заключена сила свободы, тонко чувствующая необходимые связи внутри содержания любого бытия. Именно мышление, эта человеческая способность, была развернута в тезисах как собственное дело философии. Тем тезисы и вызвали бурю.

А в «Космологии духа» можно увидеть, конечно, человечески-значимый антирелигиозный смысл и одновременно некое философское обоснование современных космологических представлений. Но опубликована она не была и по рукам не имела широкого хождения, и Ильенков этим как бы и не был озабочен.

Этот памфлет был опубликован много спустя после смерти Ильенкова энтузиазмом журнала «Наука и религия». Это симптоматично, ибо при всей его антирелигиозности в нем чувствовалась определенная «религия» — великая идея смысла человеческого существования. Ее полнее всего и выразил Ильенков. Научные открытия всегда дают пищу околонуучным кругам для их религиозных фантазий. Открытия открывают возможность силами наличного ума строить такой образ, предчувствие какого давно сидит в душе, и этот образ, как сегодня говорят, «онтологизируется». То есть мыслится как объективно-реально существующее.

Онтологизируется фантазией. И утверждается как факт. Не с опорой на свое чувство, не с опорой на свое мышление, а со ссылкой на науку, со ссылкой на мыслящий авторитет. Потому смешно бывает сегодня слышать людей, якобы прочитавших ильенковскую «Космологию духа». Увидеть здесь логику случается редко, не глубже ведь прочитывается и картина воспитания слепоглухих детей. Ильенков остается непонятым. Естественна потому печаль мыслящего мышления.

Явление всегда и везде есть явление сущности. Если бы она не являла сущность, то была бы только явлением фантазмагорий. Явление явления широкое и многоликое, но если оно в самом деле есть явление сущности, то лишь один из его ликов может претендовать на истину, на ее полноту, конкретную определенность и абсолютность. Это тождество явления и сущности.

Я хорошо знаю, что ад и рай — на земле. И человеческая общественная жизнь давно это осознала. Осознала первоначально в форме религиозных представлений — осознала, когда то и другое, злое-активное и спокойно-доброе, стало очевидным.

Границу между раем и адом, однако, увидеть нелегко. Вопрос об истинности наших представлений возникает в первую очередь внутри реально-объективной практики человека. И возникает там не как теоретическая проблема, а как практическая необходимость разрешения возникающих проблем. От способности различения истины и заблуждения, добра и зла как раз и зависит человечески-осмысленная практика. Изменчивость действительности делает изменчивыми и оценочные суждения. Возникающей здесь относительности можно избежать, лишь умея содержание жизненной действительности соотносить с абсолютными определениями объективного бытия. Абсолютное, пробиваясь в сознание, становится и остается фундаментальной проблемой человека, имеющей мировоззренческое

значение и смыслообразующий характер. Определение абсолютного в сознании делает его предикатом суждений, претендующих на оценочную истинность.

Одиночество

«Тотальная универсальность предполагает тотальное одиночество», — красиво и точно сказал поэтизирующий философ Алексей Босенко [1]. Тотальное, надо бы добавить, есть понятие, удерживающее абсолютное знание. Или точнее, абсолютная потенция и неограниченная способность творения. Или целостность, завершенная в себе. Целое, живущее потенцией активности своих частей. Или, иначе, части в свободном своем проявлении одновременно проявляют потенции целого. Целое, в своих возможностях несводимое к сумме своих индивидуальных свобод и потенций. Свобода, осуществляющаяся через форму необходимости. Индивидуальное, совпадающее с общественным. Единичное, воплощающее в себе всеобщее.

Это и есть универсальная тотальность. Выраженная в ее необходимых внутренних определениях. Абсолютное бытие, тождественное самому себе и не содержащее в себе противоречий, есть бытие, которого нет. Которого нет, потому что тождество без противоречия есть ничто, ибо не имеет в себе различия, потому не имеет частей, нет движения, покой, смерть, ничто. Или бытие в своей абстракции. Кажется, Парменида не обойдем...

Остающийся в одиночестве, Ильенков не одинок. Все, кто не без ума, приходят, окружают его. Таких точек в истории немало. Паломники вон за тысячи километров идут, ползут на коленях. Идут поплакать, стену слезами облить, поцеловать мощи, выпросить здоровья, у провидцев узнать судьбу, заглянуть в будущее и т. д. Много в мире болячек, и они объединяют судьбы людей. И много пророков, ведущих слепых через человеческую пустыню человеческого мира.

Человеку много чего не хватает, о многом молят, многое ищут, но слепых всегда ведут.

«Соотносящаяся с самой собой определенность есть *единичность*» [2, с. 48]. Единичное бесконечно. Особенность его определяется через всеобщее. Через особенное обнаруживается различие многих единичных. Единичное снимает в себе и собой *особенную форму синтеза* всеобщих определений. Форма синтеза представляет собой *принцип целого*. Или, иначе говоря, принцип тотальности.

Эмпирическое содержание единичного превращается в проблему выражения его в специфических категориях, синтезирующих в себе логическое с эмпирическим. Экзистенциализм, уходя от фундаментальных проблем общественно-исторического бытия и замыкаясь в попытку выразить индивидуальное существование человека, развивает целый ряд специфических категорий, которые тяготеют к философскому выражению психологии личности.

Одиночество осознается в абсолютной форме, когда ты лицом к лицу со смертью. Со смертью индивидуальной. Здесь абсолютное одиночество перед абсолютной пустотой небытия. Ильенков чувствовал и в полном объеме содержал в себе человеческую смерть человечества.

Никакие внешние описания ситуаций, в которых оказывается Ильенков, как будто не могут показать нам содержание духа, живущего в нем. Он через них неузнаваем. Но все чувствуют в нем, в Ильенкове, нечто особенное, чувствуют везде и всегда, независимо от непосредственных ситуаций. Потому что он всегда тут и здесь, но его никогда как будто тут и здесь нет. Реальная замкнутость личности в свое тождество себе, замкнутое на себя это свое тождество, сведение всех определений действительности во внутреннее единство, в его форму личностного бытия, в его *Я* — но его глаза таили тайну мира, в них отражался мир и в этих глазах отражался человек. Этими глазами он видит

вас и ставит вас в тупик вашего самосознания. Перед ним совесть останавливает вас в пустых обращениях к нему, вы спотыкаетесь в себе и видите себя во внешнем мире.

Прикоснитесь к его уму в его текстах — и вы не подойдете к нему со своими интересами и вопросами. Ильенков как будто ждет тех, кто сам дорастает до этих человеческих начал, и когда люди что-то собой и в себе находили, тогда появлялось общее поле обсуждений. Он говорил только при таких условиях; вне их, этих условий, — молчание. Молчание, сквозь которое просвечивает ощущение одиночества.

Это — как позиция бога. К нему вы идете со своими болями и мольбами. В дела бога вмешаться вы даже не помышляете. И даже боитесь *дела* своего освобождения, предоставленного вам богом. Он не делает вас людьми, он предоставляет вам абсолютную свободу в деле творения самих себя. Он создает траву, свинью и волка, каждую тварь вместе с соответствующим способом ее бытия, — в порожденном им человеке абсолютная пустота. Кроме телесной потребности сохранять свою телесную жизнь, ее целостность. Такая животная целостность таит в себе возможность абсолютной возможности — потому что это абсолютная пустота. Будь там что-нибудь — и возможности человека не было бы. Потому же и мышление человека должно содержать в себе *чистую форму* — чтобы быть условием бытия человека в абсолютных пределах и возможностях своего человеческого существования.

Переживание этих пределов и возможностей — одиночество Ильенкова. Все, кто говорит о своем одиночестве, на самом деле от одиночества, в котором живет любой глубокий талант, далеки. Одиночество в точке *Я*, которое вбирает в себя весь мир. Быть в избранном в себя мире — быть в себе. Здесь глубокая внутренняя сосредоточенность субъективности, по внешнему проявлению напоминающая аутизм, по внутреннему — как будто жизни субъективности дана некая

тайна, в которую любого другого прямо и непосредственно ввести нельзя.

Это одиночество Ильенкова, ясно, носит философско-религиозный характер. Он «верил в буквальном смысле слова — хотя и был стопроцентным атеистом. Как сказал в подобном случае один пронизательный человек, Добролюбов, Писарев, Чернышевский — атеисты, но их темперамент глубоко религиозен» [4, с. 7, прим.]. Исходной точкой такого самосознания является ощущение бесконечных пространственно-временных определений бытия, является сознание, всматривающееся в сущность этого сознающего бытие человека.

Одиночество Эвальда Васильевича Ильенкова — не в отстраненности от людей. Он одинок в глубочайшем, всем своим существом, проникновении в *человечность*. Мы найдем и увидим таких, уединенно-одиноких, среди предельно религиозных людей, ушедших от истины реального бытия, не узревших в этом земном бытии абсолютных и вечных форм человеческой жизни, — в них мы видим людей, замкнувшихся в абстрактных определениях и чувством удерживающих их, эти абстракции, как внутренние человеческие определения.

Первая абстракция такого сознания лежит в разделении мира на действительность реальную и действительность воображаемую — на *этот* мир, эмпирически данный, и мир *тот*, представленный в воображении.

Кажется, что такая позиция сводится к абстрактному, отвлеченному от живой жизни определению, превратившемуся в специфический предмет философско-теоретического анализа. Превращение абстракции в предмет ведет в ловушку позитивизма, а более точно, в дуализм. И по методу мышления, и по предмету исследования. Метод остается принадлежащим субъекту, предмет — обособленная от субъекта форма, не важно, объективная или субъективная.

Мир Ильенкова был единым — не по случайному выбору такой философско-мировоззренческой позиции. Она глубоко продумана, такая попытка была представлена в его «Космологии духа». Эта его позиция есть позиция конкретно-определенная, он чувством и мыслью отождествлен с определениями мировой действительности. Восхождение к этой позиции с необходимостью ведет к ощущению одиночества. Потому что это одинокий путь. Ильенков рад любому уму, движение которого направлено к истине. А удержать диалектику истины значит умом уже выйти на эту диалектику.

Религиозное сознание как отчужденная форма

Мышление есть всеобщая форма и как таковая она тождественна себе, сохраняет всеобщую определенность, но выражает она всегда особенное, и движение к единичности тем более создает иллюзию уникальности мышления в каждом случае. В этом проявляется диалектика, как раз содержащая тождество противоположностей. И тут кажется, что диалектическое мышление не может быть тождественным самому себе, оно всегда само от себя отличается, совпадая с особенностями постигаемого предмета. В различии способностей индивидов видят проявление «естественной» природы мышления и пытаются его увязать с индивидуальными особенностями или случайностью божественной одаренности. Незрелый ум, конечно же, неслучайно чувствует страх перед дьяволом — с его произволом и свободой: дьявольщину предугадать даже умному уму нелегко.

Дьявол противостоит богу с такой же, что и бог, претензией на абсолют, любой штамп мышления противостоит только другому штампу. А любая «штамповизация» — это уже само по себе не есть мышление. И только мышление как универсально-всеобщая форма претендует на абсолют, снимая собой и удерживая в себе всё действительное

и возможное. Здесь мышление противостоит вере и исторически делает свое великое дело. Это надо уметь вычитать у Ильенкова.

Самосознание ищет своей адекватности в мире своего активного бытия, и иллюзорность его, имея свое основание в неразвитости мышления, ничуть не мешает ему выполнять свою человеческую роль. Что миф есть заблуждение, осознается только тогда, когда мышление достигает соответствующего уровня развития. Начало этой мыслящей способности там, где мышление, мысля себя, видит себя соответствующим себе и тем самым отличает себя от мифа — от всего того, что не несет в себе истины. Что тождественно утверждению развития соответствующей предметно-преобразовательной практики. Определение Ильенковым *мышления как всеобщей идеальной формы предметно-практической деятельности* лишает сознание и самосознание идеалистически толковать свою исходную позицию и тем самым задает исходный принцип осознанного общественно-человеческого бытия. «Отпадение» религиозного сознания от истин реального мира легко превращается в устойчивые формы реального бытия. Действительной основой религиозного сознания, конечно же, является не самосознание, не самочувствие, а объективная форма иллюзорности, форма превращения, отчужденная и отчуждающая форма, возникающие и развивающиеся в материальном общественном производстве человеком самого себя.

В этом, конечно, содержится критика действительности, и позиция Ильенкова заключается в том, чтобы мышлением воссоздать этот мир, увидеть его мыслью в его внутреннем единстве и целостности. Здесь, разумеется, возникает проблема самого мышления, и проблема эта разрешается обоснованием принципа тождества мышления и бытия. Потому мышление проявляет себя как внутренний момент человеческого бытия, мышление, которое принципиально

нельзя понять иначе — никаким сколь угодно многообразным описанием его на разных уровнях, в различных лакунах бытия и т. д.

Вокруг Ильенкова много умных людей, но философско-исторический путь внимания к человеческому бытию, надо думать, кроме Ильенкова, не прошел никто. Всё найденное и осмысленное им не дает ему успокоения — ощущаемые определения мирового бытия являются внутренней мотивирующей силой превращения их в определения человеческой действительности. Религиозное сознание как будто в той же позиции. Гегель мыслимое и чувствуемое содержание религии и философии отождествляет.

Религиозная позиция бессознательно находит свое основание в самой действительности, здесь она вычитывает всё, что проецирует в пространстве воображаемого мира, этот момент ощущения и восприятия действительности можно легко обнаружить в субъективности каждого человека. Философско-теоретическое мышление легко объясняет эту особенность человеческого сознания (души, субъективности), но сознание религиозное, нащупав это ощущение в жизни человека, легко находит способ превращения его в абсолют. «Отпадение» от истин реального мира религиозной культурой легко превращается в устойчивые формы иллюзорного бытия. Бытия, однако, в этом мире, бытия, принимающего этот мир как бранный и преходящий, грязный и потому злой. *Временный*, имеющий для каждой вещи точку вхождения в него и точку прехождения. Разрывая диалектику, абсолютное абстрагируется и обособляется в представлении потусторонней абсолютной вечности неизменяющегося бытия.

Мистика и миф служат религии методом выстраивания человеческого в человеке. Понятно, что и сам образ человеческого в человеке мифологичен, представлен только в форме, понятной индивиду с его убитой,

порабощенной душой. И эта душа никак не может подняться в своем мышлении выше непосредственного отрицания формы своего существования. Потому она и к культуре этого мира, в любой форме ее бытия, безразлична — как душа кошки к вашим побрякушкам.

Боль

Человеческий путь к самоубийству — это не метания обывателя. Это снятие единичности, снятие в чувственно-осязаемой форме. Это чувством и умом прехождение пределов. Бытие держится в двух формах, всеобщей и единичной, — и это так, с какой стороны к нему бы ни подойти. И во всем — это осознанное единое бытие. Во всем — это если коротко и уже привычно, — бытие является таким, каким ты в бытии мыслишь себя. Тождество бытия и мышления. Совпадение образа бытия и образа мысли. Форма, давно приписываемая Сократу. Форма, давно у Ильенкова замеченная. Форма, на которую он сам не обращал внимания. В сознание это попадает только тогда, когда собственное распадение проявляется в осязаемо-болезненной форме. Трагедии и драмы общественного бытия проецируются и застывают в форме бытия индивидуального, в форме мышления и ощущения. Истина, т. е. тождество бытия и мышления, явившаяся миру в реальной форме, любым своим определением вынуждает увидеть и всю полноту. Увидеть предчувствием, интуицией, споткнувшейся мыслью, мыслью бессознательной. Совсем не удивительно, что люди, совершенно случайные, столкнувшись с Ильенковым, в нем, совершенно его не зная, видели *особенного* человека. И вдруг к нему появляется внимание и, появившись, замирает...

В таких людях как будто светится весь мир, всё культурно-историческое содержание. Внимать такому — как будто вслушиваться в мир. Но такие люди в сосредоточенном внимании к этому бесконечному миру

своей душой замирали сами. В каком-то моменте Ильенков столкнулся с этим миром в самом себе — и его потрясла его собственная смерть.

Смерть, которую он как будто видел, отчетливо и бессознательно готовил, знал, как и где, и видел, надо полагать, свою смерть глазами других людей. Себе близких. Что он видел с той позиции, которая всегда была его человеческой позицией, позицией, имеющей всеобщее значение? «Я убил себя» — живые слова собой убитого человека. Широкое поле своих чувств готовившему свою смерть человеку пришлось неоднократно переходить прежде, чем он упал под ударом своего ножа. Ножа, специально приготовленного. С той же нервозностью тонких восприятий в замедленном спокойствии он, приводя в порядок, расставлял на полке свои книги. Соотносил боль своей души с болью, живущей вокруг. Уходя от своей боли, он порождает боль других людей.

Но его своя боль была болью всеобщей, болью, растворенной в атмосфере человеческого бытия. Не в каждом она сосредотачивается. Бывает особая восприимчивость, тонкая чувством и сильная глубоким умом. Ум Ильенкова разворачивал себя до пределов, даже недоступных другим. Он делал свое бытие тождественным объективно-историческому содержанию. Индивидуальный смысл бытия совпадал со смыслом всеобщим.

В его индивидуальности острее проявлялась любая общественная трагедия. Плакал, когда случилась война между Китаем и Вьетнамом. Он не из слабых духом, выдерживал и отстаивал свою позицию, глубочайшую по основаниям, прошел по Европе в Отечественную войну. И вот плакал...

Боль человеческая, нравственно-духовная. Если вместе с мировыми трагедиями в тебе не порождается человеческая боль, что стоит метание души отдельного, обособленно-одинокого человека? Пустая душа не дрогнет и там, где горят целые страны,

где напалмом выжигают миллионы людей. Всё можно описать просто, ясно, натурально-точно и доступно.

Человеческая боль не ушла из жизни вместе с жизнью Ильенкова. Актом самоубийства не убивается жизнь, с гибелью человека не гибнет его боль. В форме боли проявляется — и в каждом индивиде в разной мере — то общественное содержание, неустроенность которого грозит разрушением бытия. Конечно, здесь есть аналогия с телом, нравственное чувство раньше теоретической мысли схватывает уродующие формы бытия. В индивидуальной жизни эти явления проявляются не просто по-разному, а часто так, что истинный смысл, действительные основания их остаются спрятанными. Кто живет смыслами своего тела, этой общественной боли не чувствует.

Позитивистский прагматизм, в котором уютно укутались «прохиндеи», процветал вокруг, через десяток лет после его жизни он утвердился во всем своем объеме — открыто и официально. Ильенков *знал* это реальное зло, живущее в разных сферах и в разных формах. Он знал, как оно распространяется и утверждается в жизни, знал, куда оно ведет. И видел, под какими образами прячется. Понимал, как и почему мир не чувствует и не видит свое собственное разрушение. Понимал, что боль возникает только тогда, когда болезнь уже разрывает тело жизни.

Позитивизм — такое умонастроение, которое мнит свой ум как субъективную способность, удержанную в формализмах и в формально-логических схемах описывающую объективную, только в противоположности мыслимую, действительность. Нынче он морочит голову людей «искусственным разумом». Путаница, вносимая в сознание, уродует мир, и это уродование начинается со школы. Где человека формируют как «мыслящую машину». В этой позиции человек ощущает себя в ясном и естественно-прозрачном, но примитивном сознании и лишается объективно-истинной

опоры — не зная того. Печаль и возмущение здесь одновременны, это являлось прямой реакцией на адрес заполнившего мир примитивизма позитивистских представлений, вырастающих из обыденного содержания пошлости измельченного человеческого бытия. Именно это порождало боль.

«...Понятие *раздвоилось*, придя к абсолютному своему неравенству самому себе, а так как понятие есть в равной мере абсолютное тождество в этом раздвоении, то живое есть для самого себя это раздвоение и обладает чувством этого противоречия, каковое чувство есть *боль*» [2, с. 227]. «Если говорят, что противоречие немислимо, то [нужно сказать], что скорее в боли, испытываемой живым [существом], противоречие есть даже действительное существование» [2, с. 227].

Человек переживает радость будущего. Ради этого способен жертвовать настоящим. Умеет переживать боль за рамками жизни. Человеческие фантазии формируют сознание, и душа не только переживает эти фантазии в себе, но она, фантазия, живет как человеческая организация реальной жизни. Кто-то сидит в кабинетах, кто-то в окопах, у тех и других разные переживания, разные боли, страдания, радости и печали. Но переживается не тут и теперь, а разносится живущим в тебе умом по разным *местам* пространства и *точкам* времени, своим чувством и мыслью удерживая в единстве. Так и просится параллель с физической теорией А. Эйнштейна.

Говорили, что Ильенков плакал, когда в войне схватились социалистические государства. Печально, что в мире случилось так, но наивно думать, что реальный исторический процесс становления социалистических обществ только объявлением своего пути очистится от «прохиндеев». Для капитализма война — это норма. Ильенков своей болью переживал исторические трагедии, люди плакали о гибели детей в условиях «нормальной» буржуазной войны, где, на

войне и войной, работают и зарабатывают деньги.

Читайте Гегеля. Без него и Маркса нет. Кому это говорит Ильенков? Мы ведь с вами в каждом своем акте не знаем, добро творим или подбрасываем полешки в адский костер, на котором сами и сгораем. Не только ума — ощущений достаточно, чтобы чувствовать, где пылают души и где сгорают тела. Уголовное следствие ищет того, кто держал нож. «Правовое государство» будет огромными своими институтами улавливать эти единицы, — общественные классы уголовный кодекс не судит. Правда, классовые идеи запрягают и закрепляют это конституцией. Кастрируют ум, но капитализм пролетариат не может уничтожить, уничтожить его можно только вместе с собой. Коммунизм уничтожает любое классовое различие, тем самым уничтожает классы вообще. Капитализм это знает. И его государство знает, как управлять и манипулировать обезволенной массой. Без ума глубокой исторической философии, говорит Ильенков, действительность будет на каждом шагу захлебываться пошлостью утилитарной философии, философии пошлой примитивной жизни. Как раз в унисон капиталистической установке — не допускать к уму, иначе потеряешь управляемость, «устойчивое развитие». И т. д.

Опровергать идеи оказалось гораздо сложнее, чем разрушить государства, их невозможно уничтожить путем уничтожения одержимых этими идеями людей. Они, идеи, объективно существующие, прочно укореняются в сознании людей и владеют ими как некие заразительно-мощные силы. В наши недавние времена от них, идей, бросились бежать и утвердились в *идее* уничтожать всякую идею. Даже конституционно. Животное не имеет идей, не без оснований думал современный буржуазный ум, и прятал свое лицо в цивилизованных животных формах.

Животное бытие совпадает с теми действиями, которые его индивидуальное бытие осуществляют. В индивидуальном

поведении животной особи проявляется родовый инстинкт. Биология, однако, уже давно понимает, что видовое бытие нельзя объяснить как обобщенную форму индивидуального поведения. В сознание же научного мира стихийно-навязчиво проникает метода через сравнение и аналогию из животного бытия всмотреться в бытие человеческое. Наблюдаемые картины животного и человеческого мира выводы о их принципиальном тождестве делают само собой разумеющимися. Столь же легко, из внешне-эмпирических чувственно-рисуемых картин, заключают и о якобы тождестве коммунизма и фашизма — явлений сугубо общественных. По такому принципу легко отождествляются сапожная щетка и еж. Банально-понятно, что такая метода восходит к позитивистской парадигме.

* * *

Да, вокруг Ильенкова было много людей — разного ранга и разного калибра. Но ни одного прохиндея. Прохиндей в нем, в Ильенкове, не видел смысла, они у порогов тех, кто удерживает человеческие возможности и человеческую силу. Ильенков тут про ум да мышление. Прохиндею всегда достаточно своего ума, чтобы не идти в философию. Ильенков их чувствовал на любом расстоянии. Были у него, к нему приходили люди разных профессий, академики и студенты. Химики, физики, филологи, историки, композиторы и музыканты, архитекторы и поэты, певцы и врачи и т. д. — все, кто искал в себе и вокруг решения общественно-человеческих проблем.

Какую революцию тут надо делать? Помните, как только провели социалистическую, тут же кинулись осуществить культурную. Хотя бы даже в самой ее примитивной форме: чтобы человек умел читать. Как научится, дадим ему Маркса, он посмотрит его «Капитал» и скажет, что всё это уже устарело, умный давно умнее «какого-то там

Маркса» и умеет делать дела посложнее, чем те, что в «Капитале».

Этот краткий абстрактно-логический, восходящий к экзистенциальной форме анализ образа мысли и чувств одного из самых крупных мыслителей современности — как некий сгусток проблем, восходящих к Э. В. Ильенкову. А потому и к его, Ильенкова, собственному образу. Его образ, как образ его личности, его *Я*, неотделим от его мышления, от его познающих способностей — как, собственно говоря, при попытке понять личность любую. Моя рука работала способом его мышления, но рисунок рисовала своими мазками, своей «графикой» выводила скупые контуры богатства его смыслов. Их пространство вряд ли уместится и в десятке томов, потому этот контурный логический очерк — лишь намек на способ мышления Э. В. Ильенкова. С моими, естественно, модификациями, согласующимися, надо надеяться, с его принципами.

Список литературы и источников

1. *Босенко А.* Время без свидетелей. Киев: Каяла; СПб.: Алетейя, 2016. 399 с. (Современная литература. Поэзия, проза, философия).
2. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1972. 502 с. (Философское наследие).
3. *Ильенков Э. В.* Космология духа: избранные произведения о культуре, разуме и будущем Человека: [сб.]. М.: Новые перспективы, 2023. 254 с.
4. *Новохатько А. Г.* Об Э. В. Ильенкове // Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении / Э. В. Ильенков. М.: РОССПЭН, 1997. С. 3—10.

References

1. Bosenko Aleksey. *Time without Witnesses*. Kyiv: Kayala; St. Petersburg: Aleteyya, 2016. 399 p. (In Russian). *Sovremennaya literatura. Poeziya, proza, filosofiya*.
2. Hegel Georg Wilhelm Friedrich. *The Science of Logic*. Transl. George Di Giovanni. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015. 866 p. Cambridge Hegel Translations.
3. Ilyenkov Evald V. *Cosmology of Spirit: selected works on culture, reason, and future of the Human*: [collection]. Moscow: Novyye perspektivy, 2023. 254 p. (In Russian).
4. Novokhat'ko A. G. "About E. V. Il'yenkov". *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v nauchno-teoreticheskom myshlenii*. By E. V. Ilyenkov. Moscow: Rus. Polit. Encycl., 1997. 3—10. (In Russian).

Информация об авторе

Лобастов Геннадий Васильевич — доктор философских наук, профессор, президент Российского философского общества «Диалектика и культура» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, 247-30).

Information about the author

Gennady V. Lobastov — Dr. Sci. (Philos.), Prof., President of the Russian Philosophical Society "Dialectics and Culture" (Russia, 124498, Moscow Zelenograd, 247-30).

Статья поступила в редакцию 27.02.2024.

The article was submitted 27.02.2024.